

А.А. ЗОТОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО

ЗОТОВ Андрей Анатольевич – научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (andrzotow@yandex.ru).

Аннотация. Л.И. Петражицкий развивал социально-психолого-правовую теорию, в которой праву отводилась роль основного фактора обеспечения социальных прав граждан, соблюдения ими взаимных обязанностей и социального развития. Он рассматривал право не столько как общественное явление, связанное с государством, сколько как ментальное явление, существующее в сфере эмоций, индивидуальных психических переживаний человека и обеспечивающее соблюдение индивидами как их собственных прав и общепринятых норм, так и взятых ими на себя обязательств в отношениях с другими индивидами. Представлена расширительная трактовка Л.И. Петражицким правовых отношений с предложениями по формированию политики права для способствования социальному прогрессу средствами продуманной законодательной политики и педагогической правовой социализации. Показана роль, отводимая воспитанию нравственных убеждений в правовой социализации граждан в предложениях Петражицкого по проведению такой политики в области права.

Ключевые слова: Л.И. Петражицкий • мораль и право • позитивное право • социальная мотивация • правовая психика • принуждение • правовая педагогика

DOI: 10.31857/S013216250009396-8

В России авторы учебных пособий по истории социологии редко уделяют место обсуждению творчества Льва Иосифовича Петражицкого (1867–1931), признавая вместе с тем значение его трудов петербургского периода в становлении российской социологии и упоминая его имя как одного из учителей П.А. Сорокина. Работу по изучению научного наследия Л.И. Петражицкого проводят в основном правоведа и среди них чаще всего специалисты по теории и истории права и государства; по истории учений о праве и государстве (специальность 12.00.01). Они посвящают ему статьи и главы в учебниках по истории правовых учений, издают о нем сборники и монографии, защищают по его работам кандидатские и докторские диссертации. Исключение из отмеченной тенденции составляют глава в учебном пособии А.Н. Медушевского [Медушевский, 1993], его предисловие к переизданию одной из книг Петражицкого [Медушевский, 2010] и первая на страницах «Социологических исследований» статья о нем и о польской школе социологии права [Блюдина, 2004]. Две недавние статьи в СОЦИСе, возобновляющие после 16-летнего разрыва обсуждение его трудов, принадлежат правоведам [Савенков, Горбань, 2019; Тимошина, 2019]. А.Н. Савенков и В.С. Горбань не сомневаются в отнесении Петражицкого к социологам права, Е.В. Тимошина соглашается, что для такого отнесения имеются достаточные основания, но при этом отмечает, что сам Петражицкий считал социологию права избыточной наукой, и потому его правильнее рассматривать как правоведа, готовившего социологический проект, но не осуществившего задуманное им в 1904–1906 гг. написание труда о развитии «эмоциональной социологии» [Тимошина, 2019: 126]. Встречаются попытки отнесения Петражицкого к представителям психологического направления русской социологии [Зинченко, 2016: 80], хотя сам он не позиционировал себя как социолог и разрабатывал психологическую концепцию действия права, оставаясь правоведам. Но все же социологические лейтмотивы (в изучении влияния правовой и этической мотивации на социальное поведение людей и на их взаимоотношения) просматриваются по его

трусам. В двух упомянутых выше публикациях правоведов специально не затрагивается тематика понимания Петражицким действия моральной мотивации, как и психологической регуляции правового поведения как части поведения социального. Попытка начала такого рассмотрения предпринимается в данной статье.

Социальный порядок возможен благодаря тому, что люди принимают на себя определенные обязательства в отношении других людей, учреждений (институций), следуют принятым в обществе нормам. С этой точки зрения право представляет собой систему общеобязательных норм и правил, действующих для обеспечения порядка в отношениях между людьми в обществе и выполнения ими взаимных обязательств. Но по какому критерию Петражицкий выделяет особый класс объектов, которые составляют область теории права как научной дисциплины?

Подступая к рассмотрению вопроса об объекте правоведения, Петражицкий обращает внимание на то, что при его выделении нельзя исходить из практики профессионально-юридического словоупотребления, ибо это, на его взгляд, привело бы к ошибкам, подобным тем, какие совершил бы ботаник, стремящийся выделить для изучения особый класс растений, которому соответствует кулинарное наименование «зелень», или зоолог, ставящий задачу определения особого вида животных, называемых «дичью» в охотничьей практике [Петражицкий, 2019: 51–52]. Этот полемический прием Петражицкий применил в целях обоснования своего выделения объекта правоведения, показав, что условием «прогресса науки о праве как объективно-научного изучения, познания и объяснения правовых явлений следует признать освобождение этой науки от служебной зависимости по отношению к профессионально-практической юриспруденции и соответственным точкам зрения» [Петражицкий, 2019: 55]. Ибо, по его мнению, недопустимо смешивать право в юридическом смысле с правом в научном смысле.

В основе подхода Петражицкого к выделению научной области специфических правовых эмоций (проекцией которых являются правоотношения) как объекта изучения правовой науки лежит положение о том, что право, в отличие от объектов материального мира, представляет собой продукт духовной деятельности людей, «психическое явление, явление нашей души» [Петражицкий, 1900: 9]. В качестве метода исследования правовых явлений он, наряду с интроспекцией (самоанализ ощущений и актов мыслительной активности человека как деятельности разума, структурирующего сознание), использует психологическую дедукцию. Этот метод, как он его излагает, сводился к тому, чтобы «строить умозаключения на основании подлежащих психологических посылок относительно тех психических – мотивационных и педагогических – последствий, которые должны получиться в результате действия известных начал и институтов права, или относительно тех законодательных средств, которые способны вызвать известные желательные психические – мотивационные и педагогические – эффекты» [Петражицкий, 2019: IX]. Мировоззренческая ориентация Петражицкого при этом была противоположной известному тезису К. Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [Маркс, 1959: 7]. По Петражицкому наоборот: общественное сознание определяет и изменяет общественное бытие. Более того, Петражицкий убежден, что общество неуклонно прогрессирует в нравственном отношении и что в практическом плане необходимо всячески содействовать улучшению общества путем изменения правосознания населения и характера граждан. Он надеялся, что развивающийся стихийно процесс совершенствования правосознания в обозримом будущем удастся ускорить на основе научной политики права, вырабатываемой с использованием достижений психологии как науки о человеческих чувствах, разуме, воли и эмоциях. Одна из задач такой научной политики заключается «в совершенствовании человеческой психики, в очищении ее от злостных, антисоциальных склонностей, в насаждении и укреплении противоположных склонностей» [Петражицкий, 1905: VII]. Практическую цель научной политики права Л.И. Петражицкий усматривал в ускорении морального развития человека и общества во имя утверждения в социуме высокой этики, что ведет (в идеале) к

«достижению совершенного социального характера» [Петражицкий, 2018: VIII] и к господству действенной любви среди людей. Процесс нравственного совершенствования человечества получает завершение в идеальной нравственности, обеспечиваемой всеобъемлющей любовью людей друг к другу. Осуществление этого идеала, верил Петражицкий, упразднит право: «Право существует из-за невоспитанности, дефективности человеческой психики, и его задача состоит в том, чтобы сделать себя лишним и быть упраздненным» ([Петражицкий, 1913: 12–13], цит. по: [Тимошина, 2010: XVI]). Иными словами, право будет существовать до тех пор, пока люди не искоренят свой эгоизм и не реализуют идеал всеобъемлющей любви.

При всем гуманизме этой сверхзадачи очевидна утопичность задуманного им проекта. Реальные люди – не существа с идеальной нравственностью, обладают пороками, а в обычной практике выработки юридических кодексов трудно усмотреть ориентацию на нравственное совершенствование. В практике применения права (в юридическом смысле) зачастую используются жесткие дисциплинарные механизмы принуждения, подчиненные насущным задачам обеспечения в обществе и в стране элементарного правопорядка и нормальной жизнедеятельности, пресечения противоправного поведения, борьбы с коррупцией и преступностью. Петражицкий, конечно, понимал необходимость принуждения в правовой практике: «Впрочем, и в культурных государствах допускается насильственное осуществление права собственными действиями управомоченного или случайных союзников, поскольку дело идет об отражении покушения на нарушение права (*vim vi repellere licet*) и в некоторых других случаях... в области отношений между детьми, в менее культурных слоях общества и т.д. стремление к насильственной реализации прав проявляется фактически часто в непосредственной форме неупорядоченного “самоуправства”» [Петражицкий, 2016: 104]. Однако он не акцентировал внимание на таких фактах и возражал против сведения принуждения в праве исключительно к физическому принуждению. Сам факт существования управомоченного, носителя субъективного права оказывает, как он считал, на обязанного психически принудительное воздействие, побуждая его исполнять обязанность по отношению к управомоченному. И только когда этот психологический механизм дает сбой и обязанность не исполняется, а следовательно, субъективное право нарушается, возникает необходимость в физическом принуждении к исполнению обязанности или в наказании. Петражицкий выступил в этой связи с резкой критикой другого подхода к выделению предмета теории права, предложенного во второй половине XIX в. Рудольфом фон Иерингом, который считал государство единственным источником права¹, был приверженцем теории правового принуждения и полагал, что без осуществляющих принуждение органов государственной власти право просто не может реализовываться. Петражицкий опровергал его концепцию и обращал внимание на то, что если люди добровольно исполняют требования права, то для применения принуждения повода нет [Петражицкий, 2010: 287]. Петражицкий считал (и не безосновательно), что Иеринг усматривал в праве инструмент соблюдения интересов собственников и кредиторов, их соблюдение провоцирует и поощряет эгоистическую мотивацию. Еще одно основание критики Петражицким теории Иеринга состояло, на мой взгляд, в том, что он рассматривал право не столько как социальное явление, связанное с государством, сколько как психическое (ментальное) явление, существующее в сфере эмоций и индивидуальных переживаний человека и в области межчеловеческих отношений. Понятие правовых норм выводится Петражицким не из законодательной деятельности, а из правовых эмоций людей, которые носят императивно-атрибутивный характер. Именно по этой причине внешнее принуждение со стороны государства не было для него существенным признаком права. Источники установления правовых отношений Петражицкий усматривает в существовании особого рода обязательств, принимаемых людьми.

¹ Этот круг идей оформился несколько раньше: в работах основоположников юридического позитивизма И. Бентама (1748–1832) и Дж. Остина (1790–1859).

При изучении механизма подчинения индивидов их правовым обязательствам он рассуждает о долге, об эмоциях, о действии убеждений, нередко также о влиянии (и признании) высшего авторитета (Бога, монарха и т.д.) и, как было отмечено, весьма ограниченно рассматривает при этом роль и значение принуждения.

Петражицкий полагал, что необходимость в мерах принуждения уменьшается в ходе совершенствования общества и его правовых норм: «Существо установленной нами тенденции правовой психики состоит не в применении физического принуждения к исполнению правовых обязанностей, а в другом, в сознании потребности и стремлении доставить управомоченному закрепленное за ним с высшим авторитетом права (для чего не только не необходимо принуждение к исполнению, но и вообще исполнение со стороны обязанного)» [Петражицкий, 2016: 104–105]. Как он считал, народная психика и право друг на друга влияют: через постоянное психическое воздействие права народный характер постепенно улучшается и в свой черед улучшает право.

Значительная часть правовых норм выражена в законах и в иных нормативных актах, но такие нормы могут постепенно складываться и помимо официального права в форме правовых обычаев и других источников права. Нравственность формируется в сознании людей как регулирующая их поведение внутренняя обязанность. В отличие от права она не задана двусторонне и в этом подобна честности перед собой и другими. Петражицкий следующим образом определяет это разграничение: «Обязанности первого рода, т.е. по отношению к другим свободные (односторонне связывающие) обязанности, мы будем называть нравственными обязанностями. Обязанности второго рода, т.е. по отношению к другим несвободные (закрепленные активно за другими и образующие, таким образом, двустороннюю связь) обязанности, мы будем называть *правовыми* (юридическими) *обязанностями*» [Петражицкий, 2010: 255]. Он поясняет, что «тому, за кем наша обязанность представляется закрепленной, кому принадлежит наш долг, мы приписываем право или притязание в юридическом смысле» [там же]. Соответственно, наше право – это долг или обязанность другого лица по отношению к нам, закрепленные за нами. Такой подход к выделению областей права и морали выглядит убедительно, хотя он необозримо расширяет сферу правоотношений на любые устанавливаемые между индивидами взаимные обязательства.

В «Очерках философии права» (1900–1903) Петражицкий представил первый набросок психологической теории права. Элементами, на которые разбиваются все правовые явления и которые одновременно выступают как основные понятия юридической науки, для него оказываются нормы права, правоотношения, права, обязанности, субъекты и объекты прав. В российском правоведении начала XX в. утвердилось традиция деления области права на право в объективном смысле, понимаемое как установленные и применяемые государством и его институтами нормы права, и на право в субъективном смысле, понимаемое как правоотношения. В «Очерках...» Петражицкий определяет право в субъективном смысле как «правоотношения, права и обязанности, устанавливаемые для тех или иных субъектов нормами права» [Петражицкий, 2010: 335]. В разделе, посвященном объективному праву, он обсуждает содержание норм права и классифицирует их, выделяет их виды. Но наибольшее внимание он уделяет праву в субъективном смысле, которое рассматривает в аспекте причитающегося индивиду как субъекту правоотношений долга (долги, обязательства) другого индивида, или других индивидов – конкретных физических лиц, принятых на себя обязательств по отношению к этому субъекту.

Анализ функционирования права в обществе Петражицкий начинает с основ правового сознания, присутствующих в народной правовой психике (этой теме в основном и посвящена предшествующая «Очеркам...» серия его публикаций 1899 г., объединенная составителями сборника его трудов в раздел, озаглавленный: «Обычное право» [Петражицкий, 2010: 187–244]). В изучении понимания права в психике разных народов Петражицкий широко пользовался методом лингвосемантического анализа значений слов и словосочетаний, соответствовавших в прошлом в языковых морфемах современным терминам «право», «иск», «денежный долг», «юридические притязания» [Petrażycki, 1924: 31–35].

На этом материале он показывает, что права изначально мыслились как закрепленные за индивидами и принадлежавшие им обязательства других людей в соединении с их собственными обязательствами по отношению к другим людям, что языки разных народов используют выражения, указывающие на то, что долг, обязательство одной стороны причитается другой стороне, ей принадлежит и т.д. Так он устанавливает, что в древне-еврейском, старофранцузском, старорусском и иных языках под должниками в историческом прошлом понимались не только занявшие деньги индивиды, но и обидчики и согрешившие против индивида ближние: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф 6: 12).

Петражицкий утверждает, что сфера морали охватывает односторонне императивные нормы, переживания обязанностей, не предполагающие двустороннего отношения. Право же развивает также императивно-атрибутивную психику, при которой учитывается одновременно необходимость соблюдения прав других и отстаивания прав в отношении себя. Этот двусторонний характер природы правовых норм Петражицкий проиллюстрировал на примере из ст. 574 тома 10 Свода законов Российской империи², выражающей норму двумя суждениями: одно – императивное, указывающее на обязанность ее исполнения, другое – атрибутивное, указывающее на право требовать и добиваться ее исполнения. В той статье закона говорится, что действия, причиняющие кому-либо ущерб, вред или убытки в имуществе, «с одной стороны налагают обязанность доставлять, а с другой производят право требовать вознаграждения» [Petrażycki, 1924: 40]. Двусторонняя связь четко обозначена в статьях современного договорного права, к примеру, в п. 1 ст. 307 ГК РФ о договорном обязательстве: «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право *требовать от должника исполнения его обязанности*» (курсив мой. – Прим. А.З.)³. Петражицкий показывает, что правовые нормы включают как пассив (обязывать), так и актив (притязать, требовать выполнения обязанности). В области правовых отношений всегда присутствуют две стороны, одной причитается получение чего-либо от другой, и потому ее субъекты всегда выступают парами [Petrażycki, 1924: 42–43]. Обязательства, формирующие двусторонние связи, Петражицкий обобщенно именует правовыми отношениями. Обязательства, в отличие от правовых, лишённые этой обоюдной зависимости, он относит к категории моральных обязательств: «Атрибутивные нормы мы назовем правовыми нормами⁴, а односторонне императивные нормы – моральными нормами» [Petrażycki, 1924: 38–39]. Но правовые нормы не всегда принимают в законодательстве подобную симметричную форму. Однако, если выраженная в законе норма говорит только: «обязан» или «запрещено», она всегда имеет в виду и управомоченного, имеющего право требовать исполнения обязанности или добиваться соблюдения запрета. А если норма говорит только «вправе», то она всегда имеет в виду и обязанного. Это следствие императивно-атрибутивного характера правовой нормы, и мы всегда можем реконструировать ее полную симметричную формулировку. Петражицкий называл такой пропуск

² См.: Т. 10, гл. 6, ст. 574: «О праве вознаграждения за понесенные вред и убытки». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire&nochache> (дата обращения: 10.03.2020).

³ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. М.: Проспект, 2016. С. 138.

⁴ Такое определение неизбежно расширяет содержание понятия права. К правовой сфере Петражицкий относит любые отношения и эмоциональные переживания, связанные с представлениями людей о соблюдении взаимных прав и обязанностей. Помимо общих норм к ним он отнес, в частности, следование правилам этикета, соблюдение правил в играх, в том числе детских, обязательства, вытекающие из участия в различных пари, правила взаимоотношений в семье, даже воровской закон, поскольку считал, что все эти нормы поведения основаны на императивно-атрибутивных переживаниях и эмоциях.

сокращенной формой выражения нормы и считал, что императивно-атрибутивный характер правовых норм делает их более действенным регулятором поведения людей в сравнении с нормами морали. В сфере односторонне обязывающего морального сознания нет предмета права в приведенном выше значении, как нет в ней и субъекта права.

Хотя правовые отношения могут быть опосредованы социальными институтами, их истоки Петражицкий усмотрел не в институтах, а в психике людей. Как отмечал А.Н. Медушевский, «традиционные и вполне объективные категории – элементы права – Петражицкий склонен рассматривать... не с точки зрения юриспруденции традиционного типа (или догмы права), а главным образом как психические явления, представления, эмоциональные возбуждения участников правоотношения, которые могут иметь, а могут и не иметь санкцию высшей власти» [Медушевский, 1993: 212]. Исследованием психологических механизмов действия права в контексте эмоциональных переживаний Петражицкий подводит под свою концепцию психологическую основу, которую называет «эмоциональной психологией». В ней воля, чувства и интеллект представлены как продукты эволюции эмоций. Если чувство представляет собой устойчивое субъективное отношение человека к чему-либо (любовь к родине или к другому человеку, ненависть к врагу), то эмоция – это переживание того или иного чувства в определенный момент, в конкретной ситуации [Словарь по этике, 1981: 402]. Правовые эмоции участников правовых отношений могут не совпадать и расходиться, даже противоречить официальному праву, также как могут не отвечать им и их индивидуальные представления о справедливости.

Посмотрим, как Петражицкий связывает правовое поведение с эмоциональными побуждениями импульсами: «Выражения: “это принадлежит кому-либо”, “это причитается кому-либо” и т.п., используемые обычно в области императивно-атрибутивного осознания обязанности, оказываются психологическими проявлениями особых побуждающих раздражений, которые мы испытываем словно силу притяжения, исходящую от субъекта притяжения, которому по нашему убеждению что-либо причитается от нас» [Petrażycki, 1924: 44]. Эти выражения обычного языка переводят эмоции из области внутреннего правового сознания человека на язык представлений, заставляющих одного человека подчинять свое поведение тому, что надлежит ему исполнить по отношению к другому человеку. «То, к чему мы себя считаем обязанным, представляется нам причитающимся другому как нечто ему должное, следующее ему от нас, так что он может притязать на соответствующее исполнение с нашей стороны» [Петражицкий, 1907: 45–46].

Однако что же в таком случае превращает право из явления человеческой психики в регулятор общественных отношений? Такой специалист по Петражицкому, как А.В. Поляков, отвечая на этот вопрос, от области правовых эмоций сразу переходит к исполнительному механизму правового принуждения: «Петражицкий указывал на природу атрибутивной стороны права, которая заставляет расценивать неисполнение должного как нанесение вреда, ущерба, как агрессивное действие. Поэтому носитель права не просит и не убеждает, а требует его исполнения помимо воли обязанного. В противном случае он жаждет наказания нарушителя и обращается за помощью к сородичам, друзьям, соседям. Отсюда, по Петражицкому, вытекает потребность в существовании высшей власти, которая бы имела в своем распоряжении достаточную силу, чтобы доставить удовлетворение атрибутивной стороне и eventualmente (помимо этого) наказать нарушителя. Такую силу создает и отдает на служение праву развитие “правовой психики социально-служебной власти” в лице государства. Не государство, по Петражицкому, создает право, а, наоборот, развитие права порождает государство. Право выступает необходимой предпосылкой его возникновения, а государство является формой его защиты» [Поляков, 2006: 11–12]. В то же время очевидно, что для Петражицкого право – это, прежде всего, инструмент совершенствования человеческой психики, формирования и закрепления альтруистических мотивов поведения. Оно оказывает воздействие на поведение людей тем, что побуждает их к исполнению определенных обязанностей ради улучшения социальных условий жизни, стимулирует их к защите собственных прав и прав других.

В правовой сфере Петражицкий выделил два больших класса: *позитивное право* и *интуитивное право*. Позитивное право в его понимании – отнюдь не совокупность действующих норм. Это область воздействия гетерономных правовых эмоций, в отличие от области автономных или автогенных эмоций (переживаний справедливости), составляющих интуитивное право. Там, где представление о должном поведении исходит от самого индивида, без воздействия на него со стороны какого-либо внешнего источника, авторитета или предписания, правовая эмоция имеет, согласно Петражицкому, интуитивный характер. Позитивные правовые эмоции осознаются обязательными в силу чужих авторитетных велений (Бога, монарха и т.д.) или в силу иных внешних авторитетно-нормативных фактов (например, обычая), чего нет в случае интуитивных (автономных) нравственных и правовых убеждений. Эта его дифференциация разновидностей права дополняется другой, отчасти пересекающейся с приведенной выше, в которой он выделяет *право официальное*, вводимое и поддерживаемое государственной властью, и *право неофициальное*.

С первого взгляда видно, что правовая система – только один из многих факторов, имеющих значение в нравственном развитии человека, которое зависит также от иных вненормативных факторов (воспитание в семьях, школа, влияния культуры и социальной среды и пр.). Петражицкий обстоятельно не рассматривает вопросы нравственного воспитания, касается их побочно. В межвоенный период эту тему подхватил и серьезно разрабатывал его младший современник и соотечественник польский социолог Флориан Знанецкий, автор научного труда «Социология воспитания» (1930).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блюдина У.А. Л.И. Петражицкий и польская школа социологии права // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 41–50.
- Зинченко Г.П., Зинченко Я.Г. Социология. Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Академический центр, 2016.
- Койдер А. Жизнь и творчество Леона Петражицкого // *Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды* / Науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010.
- Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 7.
- Медушевский А.Н. История русской социологии. Гл. 7: Политика, нравственность и право. Л.И. Петражицкий, М.Я. Острогорский. М.: Высшая школа, 1993. С. 206–225.
- Медушевский А.Н. Вступительная статья // *Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. М.: РОССПЭН, 2010.
- Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. М.: ЛЕНАНД, 2019.
- Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и о возрождении естественного права // *Юридический вестник*. 1913. Кн. 2. С. 12–13.
- Петражицкий Л.И. Очерки философии права. Выпуск первый. Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1900.
- Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / Науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010.
- Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Тип. СПб. акц. об-ва «Слово», 1907.
- Поляков А.В. Российский правовой дискурс и идея коммуникации. Учеб. пос. СПб.: Юридическая книга, 2006.
- Савенков А.Н., Горбань В.С. Л.И. Петражицкий как социолог права // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 118–128. DOI: 10.31857/S013216250004284-5.
- Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981.
- Тимошина Е.В. Социология как строгая наука: незавершенный проект Л.И. Петражицкого // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 125–135. DOI: 10.31857/S013216250007745-2.
- Тимошина Е.В. Теория и политика права профессора Л.И. Петражицкого // *Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды* / Науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. XIV–XXXVI.
- Petażycki L. O pobudkach postępowania i o istocie moralności i prawa. Warszawa: Nakładem Księgarni K. Wojnara i SP, 1924.

SOCIAL FEATURES IN LEON PETRAZHITSKY'S PSYCHOLOGICAL THEORY OF LAW

ZOTOV A.A.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia**Andrey A. ZOTOV, Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (andrzotow@yandex.ru).*

Abstract. L.I. Petrazhitsky developed the theory of motivation of behavior, in which law was assigned the role of the main factor in ensuring social rights of citizens, compliance with their mutual obligations and social development. L.I. Petrazhitsky considered the law not so much as social phenomenon associated with the state, but as a mental phenomenon that exists in the sphere of emotions, individual mental experiences of a person, and is related to the observance of their own rights and execution of legal norms and obligations attributed to other persons. The role assigned to the education of moral beliefs in the legal socialization of citizens in Petrazhitsky's proposals for such a policy in the field of law is shown.

Keywords: L.I. Petrazhitsky, morality and law, positive law, social motivation, legal psychology, coercion, legal pedagogy.

REFERENCES

- Bludina U.A. (2004) L.I. Petrazhitsky and the Polish School of Sociology of Law. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 41–50. (In Russ.)
- Koider A. (2010) Life and Work of Leon Petrazhitsky. In: Petrazhitsky L.I. *Theory and Policy of Law. Selected Works*. Ed by E. Timoshina. St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga. (In Russ.)
- Kon I.S. (ed.) (1981) *Dictionary of Ethics*. 4th ed. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Marx K. (1959) On the Critique of Political Economy. Preface. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 13. Moscow: Politizdat: 7. (In Russ.)
- Medushevsky A.N. (1993) *History of Russian Sociology*. Ch. 7: Politics, Morality, and Law. L.I. Petrazhitsky, M.Ya. Ostrogorsky. Moscow: Wysshaya shkola. (In Russ.)
- Medushevsky A.N. (2010) Introductory Article. In: Petrazhitsky L.I. *Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Petrazhitsky L. (1924) *About the Motives of Conduct and the Essence of Morality and Law*. Warszawa: Nakładem Księgarni K. Wojnara i SP. (In Pol.)
- Petrazhitsky L.I. (2018) *Introduction to the Study of Law and Morality. Emotional Psychology*. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Petrazhitsky L.I. (1913) More on the Social Ideal and the Revival of Natural Law. *Vestnik prava* [Legal Bulletin]. Book 2: 12–13. (In Russ.)
- Petrazhitsky L.I. (2010) *Theory and Policy of Law. Selected Works*. Ed by E. Timoshina. St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga. (In Russ.)
- Petrazhitsky L. (1907) *Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality*. St. Petersburg: Tip. SPb. akts. ob-va "Slovo". (In Russ.)
- Polyakov A.V. (2006) *Russian Legal Discourse and the Idea of Communication*. Textbook. St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga. (In Russ.)
- Savenkov A.N., Gorban V.S. (2019) Petrazhitsky as a Sociologist of Law. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 118–128. DOI: 10.31857/S013216250004284-5. (In Russ.)
- Timoshina E.V. (2019) Sociology as a "Strong Science": Leon Petrazhitsky's Unfinished Project. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 115–125. DOI: 10.31857/S013216250007745-2. (In Russ.)
- Zinchenko G.P., Zinchenko Y.A. (2016) *Sociology*. Textbook. Rostov-on-Don: Akadempepdtsentr. (In Russ.)

Received: 17.02.20. Accepted: 11.03.20.